

SUMMARY OF ARTICLES

Józef Furdyna — DECORATION OF PEASANT COTTAGES' INTERIORS IN THE AREA BETWEEN THE VISTULA AND THE LOWER SAN

The article contains a detailed description of various kinds of interior decoration applied by the local people, the Lesowiaks, in their cottages. The description is based on record of the present state of affairs known to the author from the research he has done in the area and from information collected during ethnographic interviews.

The author finds that the interior decoration in the analysed area is relatively scanty and appeared rather late as the chimneyless huts, poor and unadorned, still existed in the area in the second half of the 19th century. The oldest decorative elements include all sorts of decoration of frames in religious paintings hung on the walls in the rooms, beams (tragarze) in ceilings decorated by carpenters and spherical chandeliers.

At the beginning of the 20th century paper and tissue-paper cut-outs appeared brought over to the west from the neighbouring areas and forms of chandeliers became more varied. At that time also the custom of decoration of a „holly corner” developed: a small table was put in the corner of the room and on that table there were figurines of the Saints. At Christmas „worlds” were made of coloured wafers.

After the First World War the ties with the old folk tradition were on the wane, replaced by urban influences. The traditional arrangement of paintings on the walls changed and the walls began to be painted with flowers by means of stencils and roller-coaters. Over the beds painted „carpets” were hung or embroidered wall hangings, also embellishments made of straw or cone's scales. After World War II also this kind of interior decoration disappeared to make room for factory made objects bought in town.

Jan Kurek — ORIGIN OF ANNUAL CUSTOMS „MIKOŁAJE”, „SZLACHCICE”, „DZIADY” STILL FOLLOWED IN VILLAGES OF SILESIAN AND ŹYWIEC BESKID MOUNTAINS

The spectacular customs analysed by the author rank among the oldest and best preserved annual folk customs. „Mikołaje” (literal transl. Nicholases) are celebrated during the first days of December and „Dziady” (lit. transl. Beggars) and „Szlachcice” (lit. transl. Gentlemen) on New Year's Day. All these customs have certain common traits and especially similar is the structure of the „Dziady” and „Mikołaje”.

The „Szlachcice” are performed by only a few people but, unlike the other two customs, have extensive dialogues. The text, nonsensical humour, description of characters and their clothes show resemblance to the Italian commedia dell arte. The Gentleman Officer can be compared with the Captain, Moson with Pantalone, the Mountaineer with the Harlequin, the Jew with the Dottore and the Jewess with the Soubrette. These characters belong to exactly the same social and ethnic groups.

Analysing the similarities between the characters and the texts in the „Szlachcice” and the commedia dell arte, the author says that quite possibly it arose under the influence of the Italian comedies presented at the Bohemian and Moravian castles which were connected with the Źwierc region by strong ties. Other influence could be that of the puppet theatres which adapted Italian texts in Silesia in the 18th century. One more possible influence on the „Szlachcice” could be that of the Polish minstrel comedies. Certain texts of the „Szlachcice” show similarities with the texts of the Podkoziołek, a spring rite popular in other regions of Poland.

Discussing the origin of the „Szachcice” the author polemizes with the opinions voiced by B. Bazilichówna and M. Gladysz who see this custom as a mere reflection of the local culture and consider it to be a satire and caricature of the custom of farm-hand's recruitment on the day of St. Stephen dating back to the times of villein service. The author considers this interpretation too narrow and believes that while trying to define the origin of a folk custom one should pay more attention to the possible influences of old magic ritual whose meaning is not clear anymore today.

The „Dziady” known as „Juhace” (which in old Polish means shepherds), according to B. Bazilichówna too, are genetically connected with the attacks of the shepherds from the mountains at villages situated in the lower parts of the Beskyd range. The author supports this idea pointing out to the similarity between the „Dziady” and, so far not analysed properly, the „Mikołaje”, a custom followed in Silesia, a neighbouring area though ethnically not identical with Źwierc region. The main difference between the „Mikołaje” and the „Dziady” is that the first one divides its performers into two groups of white and black characters. The white ones are led by a Bishop and the black ones include Devils, Gypsies and Bears. The author points out that the „Mikołaje” probably were shaped under the influence of the Church which wanted to combine the old custom with St. Nicolas, the patron of the shepherds. The original form of the „Mikołaje” however, might be identical with the „Dziady” and it is quite possible that the „Mikołaje” contain the oldest and most developed elements of that custom. Originally — stresses the author reminding of Ligeza's hypothesis this custom was devoted to expulsion of evil from a village. Whip cracking still existing in the custom today played an important symbolic role.

Concluding the presentation of the problem the author stresses the importance of the magic, religious and ritual meaning of folk customs. Today that meaning sometimes is difficult to interpret and scientists often confine themselves to mere recording of the customs' artistic form and appearance explained according to their aesthetic function.

If one was to adopt a hypothesis that analogical customs originate spontaneously in regions distant from each other then the author is ready to believe that such instances are the evidence of a similar way of thinking and organization of the world by man in different times and places.

Aleksander Jackowski — THE THIRD TRIENNIAL EXHIBITION OF NAIVE ART IN BRATISLAVA

The author describes and analyses the whole event consisting of an art exhibition, a scientific symposium and presentation of films about naive art since it was first held.

Fashion for naive art is the reason why the Bratislava exhibition has become „a big fair of artificial and genuine naivety” and reflects the current situation on the market. The presented works of art include valuable, new, fascinating phenomena and examples of „deliberately naive” art created to follow the fashion.

The last triennial exhibition was organized in September and October 1972. It consisted of three sections: historical and thematic survey of naive art and kindred art from the borderline areas, an individual exhibition of Ivo Rabuzin's work who won the „Rousseau's *Le Douanier*” award at the last triennial exhibition and a survey of national collections in which 28 countries took part.

The author is of the opinion that the most interesting was the exhibition's first section. It presented Slovak, Italian and French votive paintings dating back to the 18th and 19th centuries as well as painted targets, a presentation prepared by the Slovak National Museum. The targets painted by outstanding artists, craftsmen or even botchers are a fine example of art which is little known but most

interesting. The pictures display a lot of naivety, folk ornamentation and traces of various styles and models. Phenomena from the borderline with the folk art were represented by the Ethiopian traditional folk painting. The presented works were from 50 to 15 years old but did not differ much from earlier paintings. Contemporary figures carved by Negroes from a Nigerian tribe of Ibu illustrated the changes taking place in art in the period of decline of the traditional folk culture. Wooden cemetery crosses with bas reliefs and bright painted decoration by Ion Stan Patras of Rumania were one more demonstration of phenomena from the areas where folk and naive art meet. Other examples of naive art presented at the thematic survey included symbolic paintings by a Yugoslav villager Ilya Bosil, and sculptures by Zivkovich, pictures by Carl Christian Thagen of the Federal Republic of Germany and Andre Bauchant's painting.

The presentation of national collections provided a wide survey but not really a full-scale one as the organizers allowed each country to show 20 works by artists who never participated in the Bratislava exhibition, and if the works were by artists already known at the triennial exhibition, than the time limit was the last three years.

The international jury awarded the Grand Prix to three collections: the Polish one, French and Brasiliian.

Discussing the results of a two-day scientific symposium organized during the exhibition in Bratislava, the author stresses the comprehensive presentation of naive art problems possible thanks to the presence of specialists from various fields which included historians of art, critics, aestheticians, sociologists, folklorists, experts in museum management and artists.

The first day of the symposium was devoted to the history of naive art in its various aspects, and the second day to artistic and aesthetic values of naive art. All the 28 papers presented at the symposium will be published.

Summing up his impressions and the evaluation of the triennial exhibition in Bratislava the author postulates a move in scientific debate to more specific and definite discussion to be held by specialists in order to avoid repetition of similar opinions and accumulation of fragmentary information. The author is also of the opinion that a precise definition of the concept and description of the individual character of both naive art and Art Brut as well as the

analysis of the transition area between folk art and naive art would all be of utmost importance.

The author expresses hope that the organizers will make a determined effort to arrange the exhibition according to thematic lines in future even at the cost of national surveys. It will also be necessary to determine precisely whether the Bratislava exhibition is to be a big fair inevitably dependent on current fashions or a serious artistic event reflecting the real state of affairs in the field of naive art.

Jerzy Czajkowski — SOURCES TO FOLK PAINTING IN CRACOW REGION

In this article, based on source materials, the author studies the old and newly discovered — some of which he himself found — records concerning the guild of painters in Cracow and pays especial attention to all information on the plebeian trend in Cracow painting.

Basing his views on preserved documents, quoted in the article extensively, the author maintains that the plebeian trend in Cracow painting existed already in the 16th century. It developed considerably after mid-eighteenth century. At the beginning of the 19th century when in 1825 artists-painters gained complete independence from the guild it drew membership from among craftsmen and probably folk painters, too.

Other evidence of the existence of folk trend in Cracow painting after mid-sixteenth century can be found in data concerning free sale of pictures at fairs. There also exists information dating back to the 17th-18th century on purchases in picture traders' shops of paintings painted on both sides.

At that time the Cracow guild did not allow travelling vendors to engage in selling pictures in the town.

Inventories and evaluations of pictures recorded in the property lists of deceased Cracow burghers in the 18th century contain a great deal of information about paintings, priced very low, most of them being copies of miraculous paintings of the Virgin Mary (especially the Virgin Mary of Czestochowa) and of the Saints. The cheapest pictures were painted on paper.

The article contains biographies of several folk painters who lived in the region of Cracow in the 19th century.

РЕЗЮМЕ

Юзеф Фурдына — ВНУТРЕННЕЕ УБРАНСТВО ДЕРЕВЕНСКИХ ИЗБ НА ТЕРРИТОРИИ РАЗВЕТВЛЕНИЯ ВИСЛЫ И НИЖНЕГО САНА

В статье подробно описываются отдельные виды убранства изб Лясявков, причем автор главным образом опирается на описи современного убранства, с которым он ознакомился в ходе своих исследований, а также на сведения, полученные им путем устных опросов, касающихся этнографических традиций.

Ввиду продолжительного проживания местного населения в куральных хатах, вплоть до второй половины XIX века, автор полагает, что этим периодом датируется убогое убранство жилищ на данной территории, сохранившееся до сих пор. К старейшим элементам украшения изб принадлежат различного рода декоративные рамы святых образов, развесанных по стенах, а также разные балки потолков (трапезе) и шарообразные пауки.

Ввиду продолжительного проживания местного населения вырезки (выцинанки) заимствованные от соседних районов. Видоизменяются также формы пауков (кристаллические и прежде всего люстрообразные). Одновременно распространяется обычай украшать „красный (святой) угол” — столик в углу избы, на котором ставят фигурки святых. В период Рождества делали также из цветных просвирок „святы” (символическое изображение земного шара).

После первой мировой войны связь с прежней народной традицией начинает под влиянием города ослабевать. Меняются традиционные расположения образов на стенах, расписанных часто цветочным узором при помощи шаблонов, а затем валиков. Над кроватями появляются расписные „коврики”, вышитые

панно, украшения из соломы, шелухи, шишек. После второй мировой войны эти деревенские украшения тоже начинают исчезать, уступая место фабричным изделиям, покупаемым в городе.

Ян Курук — ПОПЫТКА УСТАНОВИТЬ ГЕНЕЗИС ЕЖЕГОДНЫХ ОБРЯДОВ „МИКОЛАЕ”, „ШЛЯХТИЦЕ” И „ДЗЯДЫ”, ОТМЕЧАЕМЫХ ДО СИХ ПОР В БЕСКИДСКИХ, СИЛЕЗСКИХ И ЖИВЕЦКИХ ДЕРЕВНЯХ

Зрелища, анализируемые автором, принадлежат к старейшим и в то же время лучше всех сохранившимся по сей день ежегодным народным обрядом. „Миколае” выступают в начале декабря, „Дзяды” и „Шляхтице” в Новый Год. В них много общих элементов, причем особенно схожи по своей структуре „Дзяды” и „Миколае”.

„Шляхтице”, в которых выступает только несколько персонажей, в противоположность остальным двум группам, характерны богатыми диалогами. Содержание текстов, абсурдный юмор, а также характеристика персонажей, их наряды во многом напоминают итальянскую комедию дель арте (*commedia dell arte*). Шляхтица — офицера можно сопоставить с Капитаном, Мосора с Панталоне, Горца с Арлекином, Ерея с Доктором, Ерейку с Субреткой. Аналогична также принадлежность персонажей к определенным социальным и этническим группам.

Анализируя причины сходства между персонажами и текстами обряда „Шляхтице” и комедии дель арте, автор полагает, что оно вызвано влиянием итальянских комедий, ставившихся в замках Чехии и Моравии, с которыми Живецчина поддерживала

многочисленные связи. Могло также оказаться влияние силезских кукольных театров, адаптировавших, начиная с XVIII в., итальянские тексты. Кроме того не исключено влияние польских комедий странствующих актеров (рыбалтов). И, наконец, можно некоторые тексты зрелица „Шляхтице” сравнивать с песнями „Подкозёлка” — весеннего народного обряда, распространенного в других регионах Польши.

Рассматривая генезис обряда „Шляхтице”, автор полемизирует со взглядами Б. Базелихувны и М. Гладыша, которые считают этот обряд лишь продуктом местной культуры, сатирой и карикатурой, которые связаны с сбычаем крепостного времени вербовки в день св. Щепана парней на службу. Автор считает эту концепцию чрезесчур односторонней. Если искать генезис упомянутого обряда в местной народной культуре, то надо серьезно подумать, не оказываются ли в данном случае воздействия старые магические ритуалы, смысл которых нам уже теперь непонятен.

Обряд „Дзяды”, иначе „Юхаце” (что по старопольски является синонимом пастуха) Базелихувна генетически связывает с давними набегами горцев — пастухов на подбескидские деревни. Автор статьи согласен с такой концепцией, обращая в то же время внимание на сходство между обрядом „Дзяды” и мало до сих пор исследованным обрядом „Миколае”. Они выступают на территории Силезии, расположенной по соседству с Живецкой, но этнически с ней не связанный. „Миколае”, в отличие от „Дзядов”, делятся на две группы — „белых” и „черных”. Первой группой руководит Епископ; вторая — это Дьяволы, Цыгане, Медведи. Автор предполагает, что обряд „Миколае” должно быть формировавшись в известном нам виде благодаря вмешательству духовенства, стремившегося увязать старый обычай со св. Николаем, покровителем пастухов. Не исключено, что первоначальная форма обряда была тождественна с „Дзядами” и, быть может, именно в „Миколаях” сохранились во всех подробностях самые старые элементы этого обряда. Сначала он был, — как утверждает автор, вспоминая гипотезу Лигензы, — посвящен изгнанию нечистой силы из деревни. Важную символическую роль играло сохранившееся до сих пор хлопанье бичами.

В завершение своих выводов автор подчеркивает значение религиозно-магического и ритуального содержания народных сбродов. В настоящее время это становится почти неуловимым и исследователи часто ограничиваются только записыванием этих явлений, отмечая структуру их изобразительной формы, осуществляемой при помощи эстетической функции.

Если принять гипотезу самородного генезиса аналогичных обрядов, выступающих на отдаленных территориях, то не исключено, как полагает автор, что такие случаи свидетельствуют о сходном образе мышления и миропонимания человека в различные эпохи и в различных местах.

Александр Яцковски — III ТРИЕННАЛЕ САМОРОДНОГО ИСКУССТВА В БРАТИСЛАВЕ

Автор статьи рассматривает и анализирует в целом проведенное в Братиславе мероприятие, равно экспозицию произведений изобразительного искусства, как и совещания научного симпозиума, а также показы фильмов, посвященных самородному искусству, с перспективами его развития, начиная с первого Триеннале.

Мода на наивное искусство привела к тому, что Триеннале превратилось в „крупное торжество искусственной и естественной наивности”, стало обзором создавшегося на рынке положения. Среди экспонировавшихся работ, наряду с ценностями произведениями, с замечательными новыми явлениями встречались и такие, которые свидетельствовали о „показном наивном”, конъюнктурном творчестве.

Триеннале проходило в сентябре и октябре 1972 г. Выставка охватывала три отделения: историко-проблемный обзор самородного творчества и граничащих с ним жанров, индивидуальный показ живописи Иво Рабузина, лауреата премии „Таможенника Руссо” во время предыдущего Триеннале, просмотр национальных коллекций, в котором принимало участие 28 стран.

По мнению автора статьи самым интересным было первое отделение выставки. Там были представлены

дарственные по обетам картины XVIII—XIX вв.: словацкие, итальянские и французские. Экспонировались также расписные стрелецкие щиты. Кстати, словацкий национальный музей организовал специальную выставку уломанутых щитов. Щиты эти, работы известных художников либо полународных ремесленников и „халтурщиков”, являются собой пример очень интересного, но мало исследованного до сих пор вида творчества. В картинах много наивного, народной орнаментики, следов различных стилей и образцов.

С народным искусством граничила традиционная народная эфиопская живопись. Представленные работы были выполнены 50–15 лет назад, но они мало отличались от картин более раннего периода. Современные резные фигурки нигерийского негритянского племени Ибу иллюстрировали процесс перемен, происходивших в творчестве периода упадка традиционной народной культуры. Иные смежные явления на стыке народной и наивной культуры представляли деревянные, украшенные барельефами и яркой росписью могильные кресты Румына, Иона Стана Патраса.

Далее в проблемной части можно было увидеть произведения самородного искусства: символические картины югославского крестьянина Ильи Босилья и скульптуры Живковича, картины Карла Христиана Тагена из ФРГ, живопись Андре Бошана.

Показ национальных коллекций, несмотря на многочисленные экспонаты, был неполным, так как организаторы исходили из принципа, что каждая страна может представить 20 работ художников, которые не экспонировали до сих пор в Братиславе своих работ. Что же касается художников, которые уже участвовали в выставках, то теперь они могли представить свое творчество только за последних три года.

Международное жюри отличило три коллекции: польскую, французскую и бразильскую, присудив Гран При комиссарам выставок этих стран.

Обсуждая итоги двухдневного научного Симпозиума, организованного во время Триеннале, автор отмечает, что благодаря участию различного рода специалистов вопросы самородного творчества рассматривались всесторонне.

В Симпозиуме принимали участие историки искусства, критики, эстеты, социологи, фольклористы, музееведы, художники-пластики. Первый день совещаний был посвящен истории самородного искусства в различных аспектах, второй — художественным и эстетическим качествам этого вида творчества. Все зачитанные доклады (в числе 28) будут опубликованы.

Окончательно формулируя свое мнение относительно братиславского Триеннале, автор статьи предлагает перейти на научных собраниях к более конкретным дискуссиям в кругу специалистов, во избежание повторения одних и тех же формулировок и накопления излишних мелких информации. По мнению автора особо важно было бы определить границы понятия и характеристики особенностей наивного искусства и Art Brut, провести анализ переходного этапа между народным и наивным творчеством.

Кроме того автор надеется, что организаторы будущих выставок будут последовательно исходить из принципа проблемных экспозиций даже за счет актуального состояния в различных странах. В ближайшее время надо решить должно ли братиславское мероприятие быть ярмаркой, зависящей от актуального уклада конъюнктур или же серьезным мероприятием, отражающим подлинный облик самородного творчества.

Ежи Чайковски — ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ НАРОДНОЙ ЖИВОПИСИ КРАКОВСКОГО РЕГИОНА

Статья опирается на источниковедческие материалы. Автор изучает архивные записи, касающиеся цеха живописцев в Кракове, равно ранее опубликованные, как и обнаруженные им впервые во время собственных поисков и исследований. Большое внимание обращает автор на материалы, касающиеся плебейского течения в краковской живописи.

На основании текстов сохранившихся документов, обширные фрагменты которых приводятся в статье, автор утверждает, что такое направление в цехах

краковских живописцев существовало уже в XVI в. Оно стало особенно развиваться со второй половиной XVIII в. В начале XIX в. в 1825 г. художники-живописцы окончательно освободились от власти цехов, объединявших с тех пор только ремесленников. Тем не менее надо полагать, что народные живописцы тоже остались в цехах. О том, что начиная со второй половины XVI в., в краковской живописи существовало народное течение свидетельствуют, наряду с информацией о художниках и их творчестве, данные о развозной торговле картинами, которые можно было свободно, без ограничений, продавать на ярмарках. Сохранились материалы с XVII и XVIII вв., из которых явствует, что в лавках торговцев картинами мо-

жно было также приобрести картины с двусторонней росписью. В то время краковский цех боролся против развозной торговли картинами в городе.

Инвентари и таксы на картины, находящиеся в имущественных списках краковских мещан XVIII в. содержат много данных о том, что картины оценивались очень низко. Это были преимущественно чудотворные образы Богоматери (чаще всего Ченстоховской), а также святых. Самые дешевые из них рисовались на бумаге.

Статью дополняют биографические справки о нескольких народных живописцах XIX в., проживавших в окрестностях Кракова.